

Дмитрий Крылов

Азбука этнопсихологии

Теория социальной категоризации: этническая идентичность и другие идентичности, их иерархия и активация

Вот как Тернер определяет условие образования группы:

«Психологически группа образуется в той степени, в какой два или более человек начинают воспринимать и определять себя с точки зрения разделяемой ими категоризации на свою и чужую группы.

Любой набор индивидов в данных условиях более склонен категоризировать себя как группу (стать психологически группой) в той степени, в какой субъективно воспринимаемые различия между ними меньше, чем различия, воспринимаемые между ними и другими людьми (психологически) присутствующими в этих условиях, т.е. в той мере как возрастает отношение различий между своей и чужой группами. Эти сравнения будут делаться по релевантным измерениям, выбранным из общих черт в релевантной категории, относящейся к себе и включающей всех, кто подлежит сравнению».

Мы уже видели из экспериментов по минимальной дифференциации, в которых людей разделяли на две группы случайно, что для возникновения группы и дискриминации чужих в пользу своих не нужно ровным счетом ничего, кроме самого разделения, сколь бы случайным оно ни было. Если понимать эти данные буквально, то посетители одного сеанса в кино, например, должны противопоставлять себя тем, кто смотрит то же кино до и после

них, а водители автобусов враждовать с водителями трамваев. На деле ничего подобного, конечно, не происходит, да и в экспериментах по минимальной дифференциации признаки того, что люди разделились на группы, становились очевидными, только когда начиналось распределение ресурсов между «своими» и «чужими». Поэтому о большинстве групп и соответствующих им идентичностях удобнее думать как о проявлении определенных свойств человека, в смысле их тренировки и важного места, занимаемого ими в сознании. Оружие всегда должно быть готово к бою, но осматривают, чистят и тренируются в его употреблении гораздо чаще, чем оно необходимо для дела. Не всякие разделения и не всякое отождествление себя с группой, таким образом, играют функциональную роль. Не всякие, а какие? Вот какой ответ предлагает Тернер на вопрос о том, как активируются те или иные категоризации:

«Существенность той или иной категоризации между своей и чужой группой в конкретной ситуации есть функция взаимодействия между “относительной доступностью” этой категории воспринимающему и “совпадение” между потоком стимулов и характеристиками категории».

Здесь названы два условия, одно из которых сложное и емкое, другое совершенно тривиальное. «Относительная доступность» описывает целую совокупность факторов, влияющих на то, насколько легко та или иная идентичность активируется. Тернер (и его коллега Оакс) связывает относительную доступность с прошлым опытом. Мне кажется, что это и есть основ-

ной фактор в активации. Та или иная идентичность занимает определенное место в иерархии идентичностей человека, и это место определяется предыдущим опытом жизни. Тернер также связывает относительную доступность с текущими мотивами действий. Например, если идти по чайнатауну (прошлый опыт о том, что в чайнатауне встречаются китайцы) и искать китайца (мотивы действий), то оба фактора приведут к тому, что человек скорее признает во встречном прохожем китайца. Что касается «совпадения», то тут все гораздо проще: имеется в виду, насколько представление о категории соответствует тому, что человек воспринимает. Например, насколько человек похож внешне на китайца, говорит ли он по-китайски и т.п.

Тернер развивает целую теорию социальной категоризации, которая многое объясняет в процессах социальной и в т.ч. этнической идентичности. Не будет лишним привести основные положения этой теории здесь. Вот некоторые предположения, из которых он исходит:

«Концепция “я” включает много разных составляющих. Существуют множественные концепции себя для любого индивида. Единство имеет место (если вообще имеет) только в той степени, в какой различные когнитивные репрезентации образуют когнитивную систему, но структурно и функционально составные части сильно дифференцированы».

«Действие концепции “я” контекстно зависимо: те или иные концепции “я” имеют тенденцию активироваться (“включаться”) в определенных ситуациях, создавая определенные образы “я”. Любой концепт “я” (из тех, что относятся к любому данному индивидууму) имеют тенденцию становиться более существенными (активированными, когнитивно значимыми, действенными) как функция взаимодействия между характеристиками воспринимающего и ситуацией. [Полезно раз-

личать концепцию “я”, как гипотетическую когнитивную структуру и “образ себя”, перцептуальный выход, субъективный опыт себя, создаваемый действием некоторого аспекта этой структуры.]

Сила этой теории в том, что она использует уже готовый набор понятий когнитивной психологии. Из них Тернер выстраивает объяснение психологическим механизмам самоидентификации:

«Когнитивные представления себя принимают форму само-категоризации, т.е. когнитивных объединений себя и какого-то класса стимулов как идентичных (похожих, эквивалентных, взаимозаменимых и т.д.) в противоположность какому-то другому классу стимулов. Концепции “я” суть категории и поэтому основываются, как и все категории, на восприятии сходств внутри класса и разницы между классами стимулов.

Категоризации “я” организованы в иерархическую систему классификации. Они существуют на разных уровнях абстракции, относящихся другу к другу через включение классов, т.е. чем более всеобъемлюща категория “я”, тем выше уровень абстракции и каждая категория полностью включена в одну другую категорию (если только это не самая высокая или над-категория), но не исчерпывает эту более всеобъемлющую категорию. Уровень абстракции категоризации “я”, таким образом, относится к степени включения категорий на этом уровне. Рощ, к примеру, приводит категории “белый дуб” и “красный дуб”, “дуб” и “дерево” как примеры под-, промежуточного и над-уровней абстракции, соответственно, в классификации деревьев».

Здесь становится заметна вся сила когнитивного подхода к идентификации: ее удается свести к взаимодействию классов объектов, организованных в иерархию с возрастающей

степенью абстрактности. Далее Тернер утверждает, что:

«В концепции “я” существует по крайней мере три уровня само-категоризации: (1) над-уровень “я” как человеческого существа, само-категоризация, основанная на идентичности человеческого существа (общие для других членов человеческого вида черты), отличные от других форм жизни (и неживого); (2) промежуточный уровень категоризации своей-чужой группы, основанный на социальных сходствах и на различиях между человеческими существами, которые определяют человека как члена одних социальных групп, но не других (например, “австралиец”, “мужчина”, “черный”, “студент”, “рабочий класс” и т.д.) и (3) низший уровень личной само-категоризации, основанный на различиях между человеком и другими членами своей группы и определяющий человека как конкретного уникального индивида, например с точки зрения личных качеств или по другим измерениям личных различий. Эти уровни определяют, соответственно, “человеческую”, “социальную” и “личную” идентичность, основываясь на межвидовых, межгрупповых (внутривидовом) и межличностных (внутригрупповых) сравнениях между человеком и другими».

Однако здесь он выдает желаемое за действительное. На самом деле для человека свойственно в общем случае считать людьми только свой народ (именно это и означают многие самоназвания племен — «люди»), а всех других приравнивать к другим биологическим видам. Это не означает, что современное общество придерживается именно таких взглядов. Я указываю лишь на то, что это *свойственно* человеку и что именно так люди и считали на протяжении большей части своей истории. Оставлю в стороне вопрос о моральной стороне подобного взгляда на другие народы: прежде чем выносить какие-либо сужде-

ния на этот счет, нужно понять и принять тут факт, что это свойство человека, по всей видимости, обеспечило бурную эволюцию человека и развитие изначальных типов человеческого общества, т.е., собственно говоря, сделало человека человеком. Произошло это в силу того, что большая часть эволюции человека как вида прошла в условиях жесткой конкуренции малых групп, связанных родством, между собой. Эта конкуренция была важным фактором в развитии человека, если не сказать самым важным. Возвращаясь к Тернеру, нужно заметить, что первый уровень идентификации, который он предлагает, не может считаться органичным, и хотя его существование не следует целиком отрицать, нужно иметь в виду, что он есть изобретение очень короткого, относительно всей истории человека, периода, характерного мультиэтническими империями и мировыми религиями. Следует особо иметь в виду, что далеко не все народы приняли эту надэтническую категорию даже условно: у некоторых она по-прежнему полностью отсутствует в системе понятий, и, кроме того, даже европейские народы, у которых надэтническая категория конструировалась наиболее активно, способны за считанные годы возвращаться к прежней системе идентичностей, в которой за пределами собственного этноса нет никаких категорий, относящихся собственно к людям. Это все говорит об искусственности и непрочности надэтнических конструкций, включая упомянутые гражданские категории мультиэтнических империй и мировых религий.

Теперь собственно то, ради чего стоит разбираться в теории Тернера:

«При прочих равных (и в особенности опуская для простоты человеческий уровень само-категоризации), существует тенденция к обратному отношению между существенностью личностного и социального уровня само-категоризации. Социальная концепция “я” имеет тенденцию изменять-

ся по оси между восприятием себя как уникальной личности (воспринимается максимум разницы между собой и членами своей группы) и восприятием себя как категории своей группы (максимальная схожесть с членами своей группы и различие с членами чужой группы). Посередине этой оси (где самовосприятие скорее всего находится большую часть времени) у индивидуума есть тенденция определять себя умеренно отличным от членов своей группы, воспринимаемой как умеренно отличной от членов чужой группы.

Факторы, увеличивающие значимость категоризации своей—чужой группы, имеют тенденцию увеличивать воспринимаемую идентичность (схожесть, эквивалентность, взаимозаменяемость) между собой и членами своей группы (и отличие от членов чужой группы) и деперсонифицировать личностное само-восприятие по стереотипному измерению, определяющему релевантное членство в своей группе. Деперсонификация относится к процессу “само-стереотипирования”, посредством которого люди оказываются способными воспринимать себя более как взаимозаменимые образцы социальной категории, нежели уникальных личностей, определяемых различиями с другими.

Деперсонификация самовосприятия — основополагающий процесс в групповых явлениях (социального стереотипирования, групповой солидарности и этноцентризма, кооперативности и альтруизма, эмоциальной заразительности и эмпатии, коллективного поведения, общих норм и процесса взаимного влияния и т.д.)».

Эти мысли заслуживают особого внимания, т.к. в них выдвинуто объяснение тем процессам, которые формируют группы, в том числе и этнические. Деперсонализация здесь не означает потери себя. Напротив, все построения Тернера можно обобщить одной фразой: групповое сознание — одна из форм личного сознания. Я не открыл

ничего нового этой формулой, т.к. полевым культурным антропологам, изучавшим структуру сознания племенных народов, хорошо известно, что племенное сознание (т.е. то, которое человеку свойственно генетически) отождествляет личное и племенное. Для человека, исторически говоря, его народ и он сам составляют единое целое его личности. За этим простым фактом скрыта бездна смыслов, позволяющих найти ответы на все т.н. «вечные вопросы». Само это название «вечные», кстати, совершенно неверно. На эти вопросы есть действительно «вечные» ответы, хотя бы в том смысле, что они существуют столько, сколько существует человек, а вопросы появились совсем «недавно» и только потому, что были забыты «вечные» ответы.

Обращаясь к Тернеру в последний раз, можно указать его неточности и сделать поправки. В его представлениях самой общей категорией выдвигается человечество. Если бы это было так, то, по его же собственной формулировке, для человека была бы возможна идентичность, равная идентичности всего народа, причем над этой оставалась бы еще одна категория «человечность». На деле испытать такую общечеловеческую идентичность человек не в состоянии, если следовать логике Тернера, в силу того, что она в его системе самая общая, а активироваться могут только те категории, которые принадлежат все вместе еще одной, общей для всех них: чтобы сравнивать объекты, нужно прежде поместить их в одну категорию. Об этом говорит сам же Тернер. Стало быть, здесь мы выходит из области собственно человеческого. Иными словами, самая общая категория идентификации бессмысленна, т.к. она включает все классифицированные объекты. С ее помощью можно создавать лишь химеры, «теории всего» и «общечеловеческие ценности».

Теория социальной категоризации

объясняет многое, но не все в этнической идентификации. В частности, остается непонятным, в каких конкретных условиях нужно ожидать активации этнического чувства, а когда оно дремлет. Чтобы разобраться в этом, возьмем модель — с ней удобнее работать. Человек может быть болельщиком «Спартака» и большую часть времени не вспоминать об этом. Он, однако, надевает цвета своей команды, вспоминает слова песен и рифмовок, когда собирается на матч. Это естественно и очевидно, однако отнюдь не очевидно, *почему* это так. Чтобы разобраться в этом, нужно вспомнить, что то же самое делает и болельщик ЦСКА, собирающийся на матч. Оба идут на событие, в результате которого будет выяснена *иерархия* между их командами. Одна должна оказаться победительницей, другая — пораженной. Ничья — это отложенное до следующих матчей решение вопроса об иерархии: болельщики хотят победы или поражения. В конце сезона команды займут каждая свое место в итоговой турнирной таблице, которая в данном случае отражает их иерархию. Каждый болельщик желает для своей команды первого места, но оно одно, а команд много. Это и есть простая и понятная модель, позволяющая описать условия, в которых происходит активация идентичности. Для того чтобы произошла активация, достаточно, в общем случае, невыясненной иерархии между группами, к одной из которых принадлежит человек. При этом идентичность переживается тем остree, чем большее значение для выяснения иерархии между группами имеет данная ситуация. Пример высшего напряжения в переживании этнической идентичности — война между народами, при которой происходит полная поляризация представлений о себе как воплощении добра и о противнике как воплощении зла. В этой связи полезно напомнить, что некоторые этносы находятся в состоянии посто-

янной холодной войны со всеми другими (таковы их особенности) и именно у них этническая идентичность наиболее сильно выражена в сравнение с другими этносами. С другой стороны, пропаганда мира и т.н. общечеловеческих ценностей — это на самом деле борьба с этнической идентичностью, а еще точнее — попытка ее усыпить. Если переводить это на язык когнитивной психологии, то можно сказать, что члены группы активируют свою групповую идентичность в ситуации, когда решается вопрос о том, какая из групп займет определенную категорию, исключив при этом из этой категории все другие. Важно отметить, что здесь речь уже не идет только о соревновании. Категории могут быть не соревновательными по природе: например одна группа считает данную категорию важной, а все другие нет. В процессе того, как эта группа будет занимать такую категорию, ее групповая идентичность тоже активируется, хотя конфликта как такового не происходит. Отмечу, что при этом увеличивается **емкость идентичности** данной группы, а это тоже стратегический ресурс в соревновании между группами. Более того, существуют совершенно особые группы, которые стремятся занять **подчиненное** положение по отношению к другим группам. В них идентичность активируется всякий раз, когда их последнее место в соревновании попадает под угрозу.

Как это применимо к большим группам, и в частности к этносам? Впервые, как мы уже видели, в любой группе есть разброс по силе идентификации, есть он, конечно и в этносе. Картина усложняется далее тем, что в этносе, как правило, есть целые группы, которые отличаются друг от друга по силе идентификации с этносом, например, элиты многих современных обществ практически не идентифицируют себя с несущим этносом. Тем не менее все выведенные выше формулы остаются верны. Например, самый вер-

ный способ активировать этническую идентичность — это объявить войну другому народу. Результатом всегда и везде будет радикальное повышение сплоченности этноса и мощнейшее по интенсивности переживание своей идентичности. Война при этом не обязательно подразумевает боевые действия. Главное, чтобы людям было понятно, что существует конфликт между ними и другим народом, что правда и справедливость в этом конфликте на их стороне и что — это тоже необходимое условие — у них есть сильные лидеры, ведущие их на войну. Верно и обратное: верный способ подавить этническую идентичность — признать, что конфликты с другими этносами закончены и что иерархия, в которой оказалась данная этническая группа, устоялась и пересмотру не подлежит. В пределе — отрицание того, что такая иерархия вообще существует, действует на этническую идентичность, как флейта гамельнского крысолова.

Русская национальная идентичность

Всякий раз, когда русские вступают в контакт с другими этносами и в особенности когда возникает конфликт между русскими и другими этносами, бросается в глаза разобщенность русских. На практике оказывается, что русские, несмотря на ошеломляющие личные достижения во всех без исключения областях деятельности, оказываются совершенно беспомощными в самом простом: при взаимодействии с другими народами русские на сегодня не способны выступать как единый этнос. «Самом простом» — потому, что, как я уже показал отчасти и покажу более подробно в следующих главах, принадлежность к группе и предпочтение членам своей группы — естественные свойства человека. *Этноцентризм записан в генах*. Чтобы растерять эти естественные навыки, этнос должен подвергнуться сильному и целенаправленному воздействию. Имен-

но это и произошло с русскими, как станет понятно из главы об этических системах народов. О русской идентичности можно было бы сказать, что она претерпевает затяжной кризис и что она в значительной степени утеряна, возможно, утеряна безвозвратно.

Именно так я и считал, пока не стал задумываться над экспериментальными данными социальных психологов и в особенности экспериментами Таджфеля и Тернера по минимальной дифференциации. Если совершенно незнакомые люди, которых ничто не связывает, кроме случайным образом, *ad hoc*, созданных групп, ведут себя как одно целое, то как может статья, что народ с тысячелетней историей, со своим языком и физическим типом совершенно утерял способность вести себя как народ? Возможно, я просто плохо смотрел или, еще вероятнее, — смотрел не туда, когда искал признаки групповой сплоченности у русских? При столкновении с другими этносами русские действительно ведут себя как в высшей степени рыхлая группа, неспособная ни к каким групповым действиям. Но значит ли это, что утеряна идентичность как таковая? Для того чтобы разобраться в этом вопросе, нужно воспользоваться понятиями активации идентичностей и иерархии идентичностей.

Что чувствует русский, когда сталкивается с инородцем? Это зависит от инородца: с европейцем или американцем русский стремится показать наилучшее в русских, чаще всего это сводится к культуре. Приезжих с Запада водят по музеям, демонстрируют им архитектуру, абонируют им места на оперу и балет. С ними охотно говорят на западных языках, по мере возможности, и редко ожидают, что приезжающие в Россию говорят по-русски, хотя число носителей русского языка не меньше, чем, скажем, немецкого. Последнее время русские стараются произвести впечатление на европейцев и американцев до-

ступной им техникой и уровнем потребления. Новость о том, что «Москва самый дорогой город на свете», отчего-то сильнее сыграла на самолюбии русских в 2006 г., чем, скажем, марш национально-патриотических сил 4 ноября годом ранее. Казалось бы, что хорошего — жить в самом дорогом городе? Но нет — об этом говорили, как в свое время о полете Гагарина или советской атомной бомбе.

Если попытаться описать стереотипы поведения русских в контакте с человеком с Запада, то получится вот что: русские доказывают иностранцам с Запада (и себе в неменьшей степени), что они не хуже их, причем доказывают это в тех областях, которые традиционно считаются в России сильными сторонами Запада. Здесь весь петербургский период русской истории как на ладони: говоря простыми словами, русские при контакте с Западом хотят, чтобы их приняли наконец за западных людей. Так человек, которого злые языки в детстве уверяли в его собственной глупости, всю жизнь доказывает всем (и прежде всего себе), что он не дурак. (И это бытовое наблюдение, к слову сказать, имеет непосредственное отношение к формированию национальной идентичности в России.)

При столкновении с выходцем из Средней Азии или с Кавказа русские, как правило, резко снижают планку своих ожиданий. Будь тот же человек русским, он бы упал на самое социальное дно: он плохо говорит на русском, его познания, навыки, гигиена, — все это существенно отличается от уровня, принятого в России. Но для выходцев из Азии и с Кавказа мерка иная. В значительной степени это отношение покровительственное. Русских приятно удивляет, что «восточный человек» говорит по-русски, пусть и плохо, что он водит машину, пусть и плохо и с купленными правами, что он торгует. Торгует, как считают русские, лучше их самих. Так гордятся за своего ребенка или младшего родственни-

ка: «помню его совсем беспомощным, а сейчас он уже многое умеет, а кое в чем меня даже превзошел». Тут срабатывает советский период русской истории с его «дружной семьей народов», «коммунистическим интернационализмом» и «советским человеком» (читай — лишенным национальности).

Можно приводить примеры взаимодействий и с другими народами, в них окажутся свои особенности, но всегда будет одна общая черта. Русские никогда, ни при каких условиях и ни с какими народами не испытывают желания захватить контроль над другим народом и не стремятся пользоваться его ресурсами. Это резко отличает русских от всех других народов — всем именно это первым приходит в голову при контакте с другими этносами.

На то есть исторические причины, которые упомянуты выше. Русских попросту отучили от того, что свойственно всем народам. Именно поэтому нужно говорить о том, что русская национальная идентичность не активируется или активируется неполно при контакте с другими этносами. Она заблокирована в этом контексте, но это вовсе не означает, что она сошла к нулю.

В чем же она проявляется, в таком случае? Тут нужно обратить внимание прежде всего на *эмоциональную реакцию* русского на разного рода события с другими русскими. Вспомним серию осенних несчастий: взрывы домов в Москве и Волгодонске в 1999 г., гибель подлодки «Курск» в 2000-м, теракты на «Норд-Ост» в 2002-м и в Беслане в 2004-м. Или, например, летние пожары 2010-го. Все эти события активно освещались СМИ и вызвали в России глубокие переживания. В Интернете стихийно начинали собирать средства жертвам, и счета быстро пополнялись денежными переводами. Учитывая, что к концу 90-х годов все русские стали жертвами многочисленных мошенничеств, это говорит о многом. На время этих терактов люди за-

были об опасности быть обманутыми. Русские не просто сопереживали пострадавшим, русский человек переживал эти события, *как если бы они случились с ним самим*. Это очень важная особенность реакции на события, особенно учитывая то, что нам стало понятно из теории социальной категоризации. То, что люди оказались способны отождествить себя с другими людьми своего этноса, полностью или частично, говорит о том, что национальная идентичность довольно сильна у русских.

Я имел возможность наблюдать реакцию американцев на события 11 сентября. Среди них тоже поднялась волна национального чувства, но какая. Примерно треть машин в Вашингтоне в течение последующей недели вышла на дорогу с американским флагом и наклейками «united we stand» (мы вместе). Буш выступил с речью, в которой говорилось, что «на Америку напали!». Американцы готовились к *драке*, а еще точнее — к избиению противника. Их реакция на теракт в корне отличалась от русской: ими двигало не сострадание к жертвам, а гнев и ненависть к тем, кто напал на них. Их реакция — пробуждение силы после ве-роломного нападения. Этот паттерн чрезвычайно силен в американской культуре, и он активно эксплуатируется политтехнологами в США. Американцы, так же как и русские, отождествляли себя с неким «американцем», но этот американец был не взорванный чеченцами ребенок, не расстрелянная ими женщина и не задыхающийся в темноте и холода подводник. Они отождествляли себя с солдатом, убивающим врага, с политиком, отдающим приказ атаковать, на худой конец, с бизнесменом, который разграбит побежденный город. Все объяснимо: у Америки не было «петербургского периода» в истории, и американцы не построили «общества на основах коммунистического интернационализма». Пока не построили, впрочем. «Ра-

бота» в этом направлении уже с полвека ведется в Америке.

Вот что говорят о русской национальной идентичности некоторые социологические исследования. Посмотрим срез на рубеже 90-х и 2000-х, с теми двумя оговорками, что постоянное идентичности русских находится в активном изменении и что область эта идеологизирована и объективные исследования в ней находятся под фактической цензурой. А. Смирнова озаглавила свою работу «Формирование национальной идентичности в России: легко ли быть русским?», что само по себе говорит о многом: термин «формирование» употребляется ею в том смысле, что в советский период у русских не было национальной идентичности, что де-факто, конечно, неверно — следует говорить о подавленной и подмененной идентичности, но функционально автор не далека от истины. В 2000 г. она опросила 159 человек из Ярославской области. В выборке представлены люди различного возраста, социального статуса и рода занятий. Используя стандартные методики самоописания, Смирнова получила ошеломляющий результат: только 25,5% определили себя как «русских», причем среди людей от 25 до 50 лет, то есть тех, кто наиболее зрел и активен, процент выраженности этнической компоненты в матрице само-идентификации ниже 10%. Это означает, что 9 из 10 трудоспособных русских в опросе определяют себя прежде всего как отцов, матерей и детей; женщин или мужчин; того или иного возраста; той или иной профессии, но не как русских.

В работе приводятся те ситуации, которые, по словам опрошенных, вызывают у них чувства принадлежности к своему народу: «я ощущаю себя русским, когда читаю А. Пушкина»; «смотрю старые советские фильмы»; «посещая московский Кремль, Троице-Сергиеву Лавру»; «слушая информацию о войне в Чечне»; «горжусь,

что мой народ победил в Великой Отечественной войне»; «когда пою русские народные песни»; «смотрю на Волгу»; «когда оскорбляют, даже если и защищашь себя»; «гордость за достижения в космонавтике»; «когда получаю зарплату» и другие. Как справедливо отмечает автор, поводы для самоидентификации совершенно разные: они относятся к различным областям деятельности, историческим периодам. Отсутствие единых ситуаций, активирующих национальную идентичность, лишний раз свидетельствует о ее кризисе. Что особенно важно, эти ситуации несут различную эмоциональную окраску, включающую стыд: «когда оскорбляют, даже если и защищашь себя». Гордость при этом относится исключительно к прошлому: доколониальному и советскому периодам истории. Самым вопиющим результатом в этом исследовании стало то, что автор не обсуждает, видимо потому, что ей, как и опрошенным ею людьми, это не приходит вовсю в голову: русские в массе своей не ассоциируют свое этническое «я» с русским происхождением, то есть рождением от русских родителей. Именно это, а не Пушкин, Кремль, космонавтика и выдача зарплаты обеспечивает существование народа и, в свою очередь, существование Пушкина, Кремля, космонавтики и выдачу зарплаты, однако этот простой и очевидный факт амputирован из сознания русских.

В другом исследовании 1997 г. (Е. Светлицкая) 93 опрошенных из разных регионов России выразили совершенно, казалось бы, невероятное сочетание мнений. С одной стороны:

«На вопрос: “Согласны ли вы с утверждением, что Россия прежде всего государство русских и для русских?” большинство опрошенных ответили отрицательно. В пользу такой позиции приводились три основных довода. Во-первых, исторически Россия сложилась как многонациональное государство; во-вторых, государство не

должно определяться национальным составом; в-третьих, респонденты выступили против любого рода насилия, тем более вызванного национальным фактором».

Сразу отмечу, что все три «довода» суть просто цифрового качества воспроизведение пропаганды СМИ. Бесконечное повторение одного и того же абсурда возымело действие. На самом деле Россия сложилась как мононациональное русское государство, Россия для русских вовсю не «определяется национальным составом», а всего лишь выражает элементарные демократические нормы представительства, зафиксированные в конституции, — в случае русских более 80% населения, а уж о «насилии» русских можно говорить, только впав в полный идиотизм: как будто русские выселяют, обращают в рабство, грабят и убивают другие народы, а не наоборот.

С другой стороны:

«Менее демократичны высказывания по поводу религии. Большинство полагает, что в России должна преобладать православная религия. При объяснении этой точки зрения мнения респондентов разделились. Некоторые считают, что подобное положение дел справедливо — так сложилось исторически. Другие объясняют свою позицию тем, что православие — это религия большинства, соответственно, она должна быть преобладающей, но не в ущерб другим религиям.

<...>

Подобная тенденция в мнениях прослеживается и по вопросу: “Согласны ли вы с утверждением, что Президент России должен быть русским?”. Большинство респондентов убеждены в правильности этой точки зрения. Правда, некоторые смягчили свои ответы (“да, желательно”, “да, хотелось бы”). В объяснении своих позиций по этому вопросу респонденты оказались удивительно единодушными: “Президент России должен быть русским, так как большинство населения Рос-

ции русское". Только незначительная часть опрошенных пояснила свое мнение, ссылаясь на исторические примеры, что у нас уже есть негативный опыт».

Перед нами поистине фантастическая картина. С одной стороны, люди считают, что государство, которое они построили и которое они ценой огромнейших усилий поддерживают, должно быть не их и не для них. То есть большинство среди народов, и собственные заслуги в этом случае не дает им право ровно ни на что. С другой стороны, эти же люди уверены, что раз их этнос составляет большинство, то и лидер государства должен быть его представителем. К тому же они не считают в большинстве зазорным установить доминирование своей религии — религии, но не этничности. Вся фантастика заключается в том, что сама логика этнического большинства у людей существует, есть все необходимые понятия для осознания собственных прав и интересов. Более того, логика эта срабатывает, когда речь идет не об этнической, а о религиозной идентичности. (Хотя, казалось бы, откуда взяться единодушию в этом вопросе после 70 лет государственного атеизма?) Все прекрасно, пока дело не касается этничности. Тут понятия растворяются, а логика дает полный сбой. В чем же дело? А дело в том, что у опрашиваемых деформированная идентификация! В этом одном месте она зажата. Место это: национальная русская идентичность.

Еще раз подчеркну, что блокировка национальной идентичности вовсе не означает ее отсутствие и даже не означает, что люди стремятся променять русскость на что-нибудь более приятное и удобное (Светлицкая):

«...опрошенные считают, что наиболее патриотичными являются американцы. Те же, кто считает россиян наиболее патриотичными гражданами, аргументируют свою позицию тем,

что "у нас больше духовности, а не материальности". Однако, несмотря на довольно слабую позицию россиян в этом вопросе (с их же точки зрения) по сравнению с гражданами других стран, у большинства никогда не возникало желания изменить гражданство. Те же, кто задумывался над этим вопросом и хотел бы уехать из страны, приводили три основных причины: 1) связанные с частной жизнью (родственники за границей, замужество или жестьба, возможность реализовать себя в профессиональной сфере и т.д.); 2) возможность повысить свой материальный уровень; 3) репрессии по отношению к своей семье».

Далее настолько интересно, что я процитирую крупный отрывок из статьи Светлицкой, выделяя ключевые места:

«Эмоционально окрашенное отношение к России мы пытались выяснить с помощью ассоциативного метода. Оказалось, что в глазах самих россиян наша страна представлена рядом символов, которые несут в себе позитивную (или нейтральную) и негативную эмоциональную нагрузку. К первым относится целый класс символов, обозначающих природу (поля, леса, реки, хлеба и т.д.), отдельно выделяются и наиболее часто упоминаются береза, двуглавый орел, российский флаг, животные (медведь, та или иная птица), религия, архитектура и живопись, Георгий Победоносец. Ко вторым относится класс символов, включающий такие, как пьянство, водка, пьяный мужик и т.д. Существует и промежуточный класс символов, отражающий различные черты характера (как положительные, так и отрицательные).

Кроме восприятия России через символы, мы попытались выяснить, какой исторический или литературный персонаж олицетворяет для россиян их страну. Абсолютное большинство предпочло исторические персонажи, которые можно разделить на четыре группы: политики, полководцы, уче-

ные и писатели. Наиболее часто упоминаемая историческая фигура — Петр I: **“И великий, и кровавый.** У него было желание что-то сделать, но такими методами... Хотел продвинуть Россию. **Но средства... Погубил столько людей.** Причем и себя не берег”. Возможно, такое внимание к монарху вызвано не только хорошими знаниями истории и действительной ассоциативной связью между Россией и Петром I, но и тем фактом, что Петр I является одной из немногих исторических фигур, которые чаще всего упоминаются в школьных учебниках. Другой монарх, олицетворяющий Россию, — Иван Грозный, “объединитель в глобальном смысле”.

Среди писателей выделяются Л. Толстой и Ф. Достоевский. **“Толстой! Вот кто олицетворяет Россию. И внешне как Россия, тот же масштаб. Больше всего Толстой олицетворяет Россию со всем талантом и величием, нервозностью. Вон какая у него личная жизнь была скверная”.** “А герои Достоевского: и убогие, и униженные, но в то же время самоотверженные”.

<...>

Итак, каков же образ России, существующий у самих россиян? Прежде всего это нравственная сила, духовность, первозданность, красота, величие и могущество. Россия в глазах ее граждан обладает огромным, неисчерпаемым потенциалом — природным и людским. Россия — это широта души, самоотверженность, терпимость.

<...>

Однако этот образ крайне противоречив и несет в себе **элементы саморазрушения**. Наряду с описанием некоторого мощного, позитивного целого, включающего эмоциональную окраску, Россия в представлениях опрошенных неразрывно связана с пьянством, водкой, “пьяным мужиком под забором”, инфантильностью, дерзостью, неуправляемостью, неспособностью повлиять на свою судьбу”.

Как тут не вспомнить перенос негативных качеств у детей. Не нашлось

подходящего объекта, удар пришелся по своим.

В этой же работе — подтверждение того, что гордость русские испытывают только за прошлое :

«Наибольшее величие страны связывается с ее прошлым и историческими фигурами: Петром I, Екатериной II, Иваном Грозным, Суворовым, Столыпиным, Ломоносовым, Кутузовым, победой в Великой Отечественной войне».

Ни одного современника! И еще одна любопытная особенность: отдельные фигуры выделяются только в дореволюционный период истории, а в советский перечисляются дела, но не личности. Объекты гордости (космические полеты, победа в войне) в массовом сознании были достигнуты коллективно. Логично предположить, что личность Сталина подвергается в этих опросах (само)цензуре. Это же видно и по фигурам, которые приводятся в статье как олицетворение страны. Все они из дореволюционного периода. Трудно сказать, чего здесь больше: активной лепки общественного мнения или его естественных особенностей.

Вернемся к национальной идентичности. Заблокированная идентичность находит себе выход в искаженном виде. Русская национальная идентичность на сегодняшний день связывает людей на основе культурного и технического наследия прошлых исторических периодов и — видимо, сильнее с точки зрения аффектации — на основе страдания, унижения и горя. Это и неудивительно, принимая во внимание последние три века русской истории и тот жесточайший запрет, который наложен в России на любые другие проявления национального чувства. Говоря сухим языком, национальная идентичность у русских активируется в значительной мере негативными переживаниями. В русском сознании свой (русский) стереотипирован образом жертвы. Именно поэтому жизнерадостные люди и те, кто наде-

лен жаждой власти (это редкий и важный для этноса талант) часто ощущают одиночество и неуместность в России. Их личные качества не соответствуют тому образу национального характера, который был навязан русским.

Я намеренно не вывожу здесь никаких рецептов на скорую руку для того, чтобы исправить положение дел. Чтобы понять, как вести себя дальше, нужно составить себе *полное* представление о реальном положении дел. Пока что мы сделали один шаг в этом направлении.

Этническая идентичность в условиях колонизации

Чтобы иметь возможность говорить объективно о процессах, происходящих с русской этнической идентичностью, полезно поискать их параллели у других народов. Это позволит отдельить существенные детали от второстепенных и понять закономерности, которые привели к появлению тех особенностей у русских, которые мы наблюдаем сегодня. Самый беглый взгляд позволяет сказать, что национальная идентичность у русских на сегодняшний день имеет много общего с теми народами, которые длительное время находились под влиянием колонизации. С ирландцами, индусами, многими африканскими народами, сербами, многими латиноамериканцами, индейцами обнаруживаются черты сходства, которые никак нельзя отнести к общим истокам в культуре. Культуры у всех этих народов изначально разные, но все они претерпели деформацию под влиянием колонизаторов.

Больше всего материала в силу определенных политических причин о колонизированных африканских народах. В частности, существуют потрясающие свидетельства происходившего в Алжире в 50-е годы, оставленные врачом-психиатром Францом Фаноном. Работая в этой стране, он наблюдал последствия французской колонизации в сознании и образе мыслей ал-

жирцев. Вот какие методы, по его свидетельствам, использовали французские колонисты в Алжире помимо прямого физического насилия:

«Если рассмотреть те усилия, которые были направлены на культурное отчуждение, столь характерное для колониальной эпохи, становится понятно, что ничего случайного тут нет и что общий результат, к которому стремились при колониальном доминировании, заключался в том, чтобы убедить местное население, что колониализм явился просветить их тьму. Эффект, которого сознательно добивался колониализм, заключается в том, чтобы вбить в головы местного населения мысль о том, что если колонизаторы ушли бы, они тут же впали бы в варварство, деградацию и звероподобие».

Прямая аналогия в России: т.н. приглашение на царство «варягов» и его последствия в русском самосознании. Эта версия русской истории получила распространение в петербургский период, т.е. именно тогда, когда на русский престол действительно стали садиться иноплеменники с Запада. «Варяги», которых, согласно летописи, пригласили на царствие, были точно такими же русскими, как и жители Новгорода, но в русское сознание упорно вбивалась одна и та же мысль: русские сами не могут управлять собой, для этого им необходимо приглашать правителей. Многократное повторение этой лжи оказалось свое воздействие. Теперь многие русские так считают, и, что еще существеннее, они действительно разучились управляться в руководстве своими силами. Важно при этом подчеркнуть, что раньше эта способность у русских была, она ослабла именно и только в результате *убеждения*. То, что такое — убеждение непременный атрибут любой колонизации, можно предположить, сравнивая наблюдения Фанона об Алжире и нашу историю. Далее он пишет:

«Таким образом, это необычное поведение — высокая криминогенность

африканцев, тривиальность мотивов поведения, характер ссор, ведущих к убийству, и всегда очень кровавых — в глазах наблюдателей это поставило проблему. Предложенное объяснение, которое стали преподавать в качестве предмета в университетах, кажется, представляет собой в конечном счете следующее: структура головного мозга человека в Северной Африке определяет как лень местного населения, так и его интеллектуальную и социальную отсталость и его почти животную порывистость. Криминальные склонности северного африканца представляют собой материализацию определенной организации нервной системы в характере его поведения».

Здесь указывается еще на один колониальный метод обработки сознания. Колонизируемый народ убеждают, что он не просто не умеет управлять сам собой, но что и научиться никогда не сможет, что все дело в его природе. Это же самое на разные лады говорят русским сейчас. Чего стоят такие выражения, например, как «вековое русское рабство», «рабский менталитет» и прочее в том же духе. Те, кто говорит так о русских, пользуются хорошо испытанными методиками колонизации. Из этого, кстати, можно сделать вывод о том, как именно они относятся к русским. Не лучше, чем французы относились к алжирцам. Русские имеют дело не просто с ложью, а с целой системой методов по деформации сознания. Насколько она опасна, понятно из того, что многие русские на сегодняшний день разделяют эти представления, и в их сознании они никогда не пересматриваются. Более того, такие особенности самоидентификации (русские это, в т.ч. те, кто не может собой управлять), проникая в культуру, начинают самовоспроизводиться.

Идентичность, какой бы она ни была, обладает при любых ее качествах значительной консервативностью. Она сохраняется во времени и передается от поколения к поколению

в том виде, который она имеет на данный момент. Не случайно основным русским стихотворным произведением древности принято считать «Слово о полку Игореве». В нем говорится о поражении русского войска, хотя на деле в конце концов была достигнута победа в этой войне, и это, кстати, прямая параллель сербскому эпосу, несущему в себе те же мотивы поражения на Косовом поле в 1389 г. То, что проигравшие битву русский Игорь и сербский Лазарь стали, вопреки очевидной негодности на эту роль, национальными героями, говорит, конечно, не о духовной слабости этих народов, а об интеллектуальной и этнической несостоятельности образованного класса, фактически обслуживавшего чужие этнические интересы,вольно или невольно. Интересно, что цикл былин об Илье Муромце, в котором прославляется сила и русские победы, дольше всего сохранился в изустной передаче у поморов и казаков. И те и другие не знали крепостного права и находились в частом контакте с другими этносами: казаки — с народами, нападавшими на русских, а поморы — с датчанами, норвежцами, англичанами и другими европейцами, торговавшими с Россией через Архангельск. В обоих случаях контакты с другими этносами подразумевали конфликт интересов (в случае поморов — экономических). Именно эти две русские популяции, надо заметить, принялись в первую очередь истреблять русоненавистники, пришедшие к власти в 17-м году.

Сейчас можно говорить, что темы и соответствующие им образы неудачи, поражения, собственной неумелости и невезения стали у русских частью национального самосознания, которое транслируется не только на твердых носителях в виде книг по истории, но вошло в язык, образ мыслей, в особое чувство самоиронии и вкуса к самоуничтожению, характерные русским, сербам, ирландцам с их «ирландским везением», до недавнего времени —

индусам и многим другим народам, пережившим колонизацию. **Общее во всех колонизированных народах то, что они принимают точку зрения на себя колонизирующего народа и становятся воплощением той негативной идентичности, которую проецирует на них колонизатор.**

Случай американских негров также интересен в нашем контексте в силу того, что современная аффирмационная политика в США сделала возможным объективные исследования порабощения, его механизмы и влияния на идентичность. Современное состояние негров представляет результат порабощения одной расы другой, при котором разделение между рабами и хозяевами очевидно, что много послужило жестокости обращения с рабами и облегчало белым применение колонизационных методов. Начиная со второй половины XX в. стало выходить множество исследований психологии черных американцев. Оказалось, что она в ряде своих сторон сильно отличается от психологии белых, несмотря на то что рабство было отменено за век до этого. Воздействие колонизаторов закрепилось в черной субкультуре и в многом определяет ее и по сей день.

Целый ряд исследований показал, что представления о расе возникают у американских детей к трем годам и быстро нарастают после этого. При этом у черных это представление замедленно и имеет несколько характерных черт. Во-первых, черные дети часто предпочитают белых. Это проявляется в выборе белых кукол в игре и выборе белых в друзья. Во-вторых, черные неохотно признают, что они черные. В ответ на вопрос о том, черные они или белые, черные дети часто колеблются и дают неясные ответы типа «возможно, я немного черный». Ничего этого не наблюдается у существующих с ними бок о бок белых.

Негритянские подростки в возрасте 8–13 лет в летнем лагере со смешан-

ным белым и черным участием оказались более чувствительны к проступкам других негров, но не белых. Они чаще выбирали себе в друзья белых. Авторы интерпретируют это как проявление самоненависти, для которой характерна критика тех, кто наиболее похож на тебя, и создание «далекого идеала», который, если свести его к практическим последствиям для этнопсихологии, является обожествлением хозяев-рабовладельцев.

Представление негров о других неграх критично и не соответствует представлению о себе. В работах американского черного писателя Ричарда Райта, например, 80% описаний негров отрицательные. Они вообще не соотносятся с тем, как Райт описывает самого себя.

Самоощущение негра в обществе характеризуется постоянным ожиданием насилия к себе со стороны окружающих при чувстве полной личной беспомощности. Черные подростки описывают окружающую их реальность как враждебную, что отличает их от белых сверстников. Подобное базовое самоощущение настолько часто встречается среди русских, что следует здесь остановиться подробнее. По моим наблюдениям, оно встречается чаще у тех, кто воспитывался в семьях с доминирующими родителями, особенно мамами. Такое воспитание было направлено на пресечение естественных импульсов ребенка, сковывание его двигательной активности и пресечение его освоения окружающего пространства, каковы бы ни были декларируемые родительские мотивы. Контроль над ребенком в таких семьях осуществлялся угрозами. Интересно тут вот что: и у русских, и у негров независимо друг от друга получил распространение определенный стиль воспитания. Это и есть на практике та деформация культуры, которая происходит у колонизированных этносов, и происходит она именно вследствие колонизационных практик.

В экспериментах подросткам от девяти до четырнадцати лет предлагалось описать своего героя. Этот метод исследования известен под названием ТАТ. В своих историях черные описывали героя, которого ненавидят, которому делают замечания, ограничивают или ранят. Все это в отличие от белых. В этой связи небезынтересно вспомнить многие советские фильмы, в которых герои постоянно отчитывают друг друга, делают замечания, и к этому еще вспомнить советские семьи, которые восприняли эту стилистику общения как нормальный фон жизни и воспитания детей. Все эти особенности колонизированных этносов по-прежнему с нами и сегодня.

Хорошо известна проблема неполных семей среди черных американцев. В разные годы от одной трети до половины и более всех черных семей оказывались неполными. Чаще детей воспитывает мать, а отец уходит после рождения ребенка из семьи. Так вот эта, закрепленная в черной субкультуре тенденция, возникла в период рабства. Тогда белые колонизаторы насильственно разделяли отца и «жену» с детьми. Во многих случаях браки черных рабов вообще не существовали как институт. Негры не имели права на венчание в церкви и, следовательно, на семью как таковую. Стоило двум из них начать встречаться и завести детей, как отца отправляли на другую плантацию или продавали. Многие случаи побега рабов на Юге США были связаны как раз с тем, что мужчины возвращались к своим семьям. Их ловили и наказывали. Зачем это было нужно колонизаторам, понятно. Ребенок, которого воспитала одна мать и который никогда не видел своего отца, слаб и легко управляем. В среднем его психология пассивна, у него заниженная самооценка и амбиции. О влиянии патерналистической депривации написано достаточно. Эти явления, опять же, имеют прямые параллели в недавней русской истории, в которой, в

частности во время войны, практически все взрослое мужское население было оторвано от своих семей.

Все это лишний раз свидетельствует: деформация этноса и его механизмов воспроизведения происходит в исторических масштабах быстро и ее действие не прекращается с исчезновением факторов деформации. Она включается в культуру этноса и самовоспроизводится.

Нужно подчеркнуть, что за всяkim подобным изменением в культуре и в матрице идентичности стоит другой этнос, колонизирующий данный. Еще одним тактическим приемом по борьбе с русской идентичностью стало отрицание иерархии идентичностей. Людям внушают, что они связаны семейными связями, дружескими, профессиональными — какими угодно, только не этническими. При этом совершается нехитрый трюк: этническую идентичность *подменяют* на разные другие. Делают это обычно, навязывая ложную иерархию идентичностей: будто бы семейные связи или профессиональные важнее всех других, например. На деле же все перечисленные и многие другие виды социальной идентичности не противоречат этнической идентичности. Они ее дополняют, причем у здорового и жизнеспособного народа она занимает в иерархии идентичностей доминирующее положение.

Другая группа тактических приемов направлена на подмену национальной идентичности на другие виды идентичности, не несущие для колонизаторов опасности и зачастую даже играющие им на руку. Эти тактики нацелены прежде всего на тех, у кого не удается разрушить иерархию идентичностей, кому необходимо гордиться своей страной, ставить перед собой великие цели и отождествлять свою жизнь с широким кругом людей. На роль национальной выдвигаются несколько других эрзац-идентичностей. Разберу лишь те, которые уже удалось навязать русским и

которые, таким образом, уже оказывают разрушительное воздействие на национальное сознание.

Советский человек — прежде всего человек, лишенный национальности. Конструирование этого понятия велось десятилетиями, и трудно ожидать, что последствия этой обработки удастся быстро преодолеть. Лишенное содержания, это понятие занимает место национальной идентичности и подрывает все оборонные механизмы этноса. На примере конфликтов русских и других этносов бывшего СССР хорошо видно, что разрушение идентичности проводилось только среди славянских народов. Все остальные сохранили этническую солидарность в полном объеме и как следствие получили полное преимущество в конфликтах с русскими. При таких конфликтах любая община на территории России действует как единое целое. Она не разбирается в том, кто прав и кто виноват, для всех членов общины есть только две категории — «свой» и «чужой». Своего нужно поддерживать, чужого подавлять. Совсем другое у русских. Зачастую видны не только отсутствие поддержки своим в конфликте, но и парадоксальная реакция: поддержка чужого и подавление своих. Отмечу, что это отнюдь не случайное явление. Оно, кстати, описано и у других колониальных народов.

Пенсионеры в современной России — это не только жертвы обмана, но и статисты в другом методе подложной идентичности. Разделение по возрасту и сильная идентификация со своим поколением — это еще один суррогат национальной идентичности. Кстати, тут мы имеем дело с социальной технологией, поставленной на конвейер и применяемой не только в России. Вот что писал Конрад Лоренц в 1974 г., после молодежных бунтов и студенческих революций в Западной Европе и Америке. Цитата длинная, но она стоит того, чтобы ее привести:

«Тот факт, что нынешнее млад-

шее поколение, несомненно, начинает рассматривать старшее как чужой псевдовид, вызывает глубокое беспокойство. Это выражается в ряде симптомов. Конкурирующие и враждебные этнические группы имеют обыкновение вырабатывать себе или создавать *ad hoc* подчеркнуто различные костюмы. В Центральной Европе местные крестьянские костюмы давно исчезли, и только в Венгрии они полностью сохранились повсюду, где близко друг к другу расположены венгерские и словацкие деревни. Тамошние жители носят свой костюм не только с гордостью, но и с несомненным намерением досадить членам другой этнической группы. Точно так же ведут себя многие самочинно возникшие группы бунтующей молодежи, причем поразительно, насколько сильно у них, вопреки кажущемуся отвращению ко всякому милитаризму, стремление носить мундир. «Специалисты» различают разные группировки «битников», «теддибойз», «рокс», «модз», «рокеров», «хиппи», «бродяг» и т.д. по их нарядам с такой же уверенностью, как узнавали некогда полки императорской королевской австрийской армии.

Бунтующая молодежь стремится также как можно дальше отойти от поколения родителей в своих обычаях и нравах; традиционное поведение старших не просто игнорируют, но замечают в малейших деталях и во всем поступают наоборот. В этом состоит, например, одно из объяснений проявления половых излишеств в группах, в которых половая потенция, по-видимому, вообще снизилась. Только тем же усиленным стремлением нарушить родительские запреты можно объяснить случаи, когда бунтующие студенты у всех на глазах мочились и испражнялись — как было в Венском университете.

<...>

Эмоциональное возбуждение тормозит разумное действие, гипоталамус блокирует кору. Ни к какой самой

извращенной эмоции это не относится в такой степени, как к коллективной, этнической ненависти, которую мы слишком хорошо знаем под именем национальной. Надо понять, что ненависть младшего поколения к старшим имеет тот же источник».

Социальная технология «молодежного бунта» — это прежде всего попытка создать ложную идентичность для людей в тот период развития личности, когда раз и на всю оставшуюся жизнь решается, кем и как они будут себя чувствовать. Если в юношестве они почувствуют себя в первую очередь русскими, народ будет непобедим, когда юноши вырастут. Этого и пытаются не допустить те, кто создает «молодежные моды», «течения» и «молодежную политику». Вся эта «пионерия» и «комсомол» современного общества нужны, чтобы привязать формирующуюся идентичность к самому нелепому, что только возможно, — к возрасту. Через 5–10 лет человек превзойдет те наборы переживаний, которые характерны для юноши, а идентичность с «молодыми» останется. Что получается на выходе этой технологии? Взрослые дети! Вместо того чтобы учиться у старших и постепенно забирать в свои руки ихственные рычаги в обществе, целое поколение «бунтует» и «экспериментирует». В результате нарушена передача этнической традиции и знаний, создан искусственный конфликт между поколениями и выпущено в свет поколение, у которого все герои и модели для подражания не дают никаких реальных навыков успеха в обществе.

В более широком масштабе тот же принцип используется для противопоставления современности и «прошлого». Парадигма «прогресса» и «достижений современной цивилизации» переносит плоскость идентификации из родственных и этнических связей во временную область. Человек определяется как «современник», сопричастный «прогрессу», и противопостав-

ляется людям прошлого, то есть своим предкам, якобы стоявшим на более низкой ступени социального и технического развития, и если относительно техники это в общем правильно, то именно этот прием ставит человека на неизмеримо более низкую ступень социального развития, отождествляя его с фиктивными и пустыми конструкциями и заставляя «соревноваться» и противопоставлять себя пыльным скелетам из шкафа, в то время как враги действуют безнаказанно в настоящем.

По той же схеме вбивают клин между русскими в больших городах и провинции.

Русские и православные

Атаки на русскую национальную идентичность ведутся и в тех областях, где, казалось бы, русские твердо стоят на ногах. Русская Православная Церковь не раз играла объединяющую роль в русской истории и служила национальным идеалам не меньше, чем все другие институты русского общества, однако современное «православие» часто приходится брать в кавычки, настолько далеко оно отошло от традиции русского православного сознания. Несмотря на это именно православие в современной России выдвигается на первое место в качестве групповой идентичности русских, и зачастую оно занимает в сознании людей место этнической идентичности, как этого двадцатью годами ранее это место занимала идентичность советская. Фраза Достоевского «православный значит русский», понятая буквально, стала для многих людей, выброшенных после крушения Союза в океан бессмысленного и безымянного бытия, той соломинкой, за которую было так естественно ухватиться. К какому берегу, в результате этого дрейфа, прибило вчерашних советских людей? Чтобы лучше понять, что на самом деле собой представляет современное официальное православие в России, опишу те представления о рус-

ских, которые транслируются в рамках его доктрин.

Исторически современное православие претендует на роль основного этногенетического фактора. Современная Церковь насаждает представления о том, что в дохристианский период русского народа как такового не существовало, а был, так сказать, «сырой материал» славянских племен, из которого православие вылепило русский народ как таковой. То, что велико-княжеский престол в Киеве существовал до крещения, то, что язычник Святослав полностью уничтожил мощнейший Хазарский каганат, угрожавший Руси и русским, то, что русские язычники совершали удачные набеги на греков и — самое главное — что русские смогли заселить огромную территорию и потеснить или ассимилировать десятки племен — эта версия истории не берет в расчет.

Точно так же она отмахивается от тех сложностей княжеского управления, которые возникли на Руси после принятия православия и которые привели в конечном счете к поражению в войне с татаро-монголами и последовавшей войне между русскими княжествами. В православной версии «истории» нет места никакой критике того, что привнесла с собой «греческая вера», и той зависимости от Константино-поля, в которую была поставлена духовная жизнь до XVII в. В ней проводится резкое разграничение: все, что связано с православием, есть добро, а все, что связано с язычеством и атеизмом, есть зло. Это и понятно: именно так народ и должен относиться к своей идентичности, но в случае православия есть серьезное противоречие, которое буквально бросается в глаза всякому, кто задумывался на эту тему.

Дело в том, что православие не является исключительно русской верой. «Православный» значит еще грек, грузин, серб и вообще любой, пожелавший креститься и ходить в православную церковь. Это бы еще полбеды, но

русские — это надо признать — были величими народом до принятия православия и после отказа от него в 1917-м. Тут, правда, уместно напомнить, что отказ был далеко не по своей воле, но в конечном счете что это меняет? СССР был атеистическим государством, что не помешало русским, составлявшим его этническую основу, проявить себя во всей мощи великого народа. Это элементарно, но это приходится проговаривать: *русский далеко не обязательно значит «православный»*.

Всякий раз, когда пытаешься объяснить эту простую до очевидности мысль православным русским, встречаешь полное непонимание. «Православный это и есть русский» — вот характерный ответ. Перед нами результаты типичной индоктринации, которая отключает у человека логику и конструирует его личность так, что он начинает чувствовать зависимость между своим «я» и абсолютной непогрешимостью определенных положений. Происходит это потому, что у человека никакой другой личности и нет, идеология и становится его единственной личностью. Как и всегда, в данном случае происходит использование заложенных в человеке психических механизмов с деструктивной целью. В нормальном состоянии на этом месте в структуре личности находится этническая идентичность. Человек считает себя самим собой в той мере, в какой он принадлежит народу, и поэтому, в частности, любая, даже словесная атака на этнос принимается им как агрессия по отношению к нему самому. Но стоит на это место запрограммировать не этническую, а православную идентичность, как человек начинает с той же энергией защищать православие. Весь вопрос — что ему, этому человеку от такого усердия и что народу от такой замены?

Вот некоторые наблюдения о современной православной идентичности. Во-первых, современная православная идентичность отключает у челове-

ка логику и здравый смысл, по крайней мере в том, что касается ее самой (это весьма характерно для индоктринации). Во-вторых, современные православные не только заменяют этническую идентичность конфессиональной. Многие, кроме того, активно избегают русской идентичности. Это уже известные реакции индивидуальной мобильности и отчасти попытка переопределить свою группу так, чтобы создать выгодное для нее сравнение с другими. Тут все стало на свои места: известно, что подобные реакции характерны для тех, кто изначально слабо связывает себя с первичной группой, в данном случае с этнической. Эти люди есть везде и всегда, такова их природа. Они всегда легко переходят из своей группы в другую.

В качестве отступления оговорю, что в этом есть свой биологический смысл. Когда-то основными группами были не народы, а племена, которые имели тенденцию становиться замкнутыми матри monialными общностями, из которых трудно было выйти замуж или жениться в другое племя. Такая замкнутость обеспечивала тесную сплоченность племени (все были в каком-то колене родственниками), но создавала проблемы, связанные с инбридингом, несущим опасность вырождения. В тоже время известно, что те племена, которые исследовались на процент аутбридинга, на деле никогда полностью замкнутыми не были. Процент аутбридинга (связанный с браками вне племени), составлял 10–20% и выше. Тут, правда, нужно заметить, что соседние племена были близкородственными, как правило, и реальное генетическое родство между ними было значительно выше, чем с любым случайнym племенем. Они образовывали круги генетической близости, которые впоследствии складывались в народы. Можно предположить, что те, кто легче других отделялся от группы, служили своего рода членоками для новых генов. Они могли обеспечивать приток

новых генов в замкнутые, если не считать этих членоков, племенные группы.

Так или иначе, заметно, что в православные первым делом хлынули те из советских людей, кто слабо ассоциировал себя с обществом, начиная от комсомольских работников до диссидентов и богемы. Это те самые социально мобильные люди, которых любая популяция программирует в себе на генетическом уровне. И только со временем в Церковь за ними пошла масса русских. Идентичность необходимая вещь: она требуется любому человеку, и без нее жизнь попросту невозможна.

В качестве курьеза приведу здесь образец мыслей современных православных в конце XX в. Вот что вполне серьезно пишет о русских директор крупнейшего издательства, патриот и православный, имя которого я решил не приводить здесь:

«Русские. Сверхнарод общего Мира, сверхнарод Жизни. Уникальный внеисторический сверхнарод. Главной задачей проекта является общая для жизни и на Земле и на Небе цель — сохранение в человечестве человечности, то есть способности наполнить духовное тело Богом, вне зависимости от главенства на Земле текущего проекта. Единая Небесно-Земная жизнь человечества должна продолжаться в проекте вне зависимости от состояния разделенности Неба и Земли. Критически важным для проекта является сохраняющаяся связь с Небом и Богом. Именно эта связь дает возможность адаптироваться к любому из незавершенных глобальных проектов сверхнародов или видоизменить его в русской части человечества. Адаптация становится возможной благодаря способности очистить свое естество от его содержимого — “вымести свой дом”. Далеко не всегда удается наполнить “пустой дом” Богом, но способность “вымести дом” хотя бы оставляет для этого хоть какую-то возможность».

На первый взгляд это нечто, вы-

ходящее за рамки психических норм. Читая эти строки, можно заключить, что их автор сильно увлекается мистикой, и возможно, это увлечение завело его слишком далеко: он повредился рассудком. Однако тот же человек в то же самое время принимал вполне здравые решения в своем издательстве, чей оборот составляет многие миллионы долларов. Версия помешательства, таким образом, отпадает. Возможно, впрочем, что он просто напился и нес глупости. Но эти глупости вполне определенного рода, в них многое архетипично. Итак, перед нами *фантазия*, совершенно оторванная от реальности, и фантазия особого рода. Это попытка русского, искренне переживающего за свой народ, уйти из реальности, в которой русских унижают все кому не лень. Человек этот, как вообще многие одаренные русские, *создает* другую реальность, в которой его и вообще русских *никто не обижает*. Он изобретает фантасмагорические цели — «наполнить духовное тело Богом, вне зависимости от главенства на Земле текущего проекта», которые никому, кроме забитых русских, не то что неинтересны, а попросту непонятны, и в этом хармсианском мире «добивается успеха».

Такое поведение обусловлено двумя факторами: во-первых, человек (и этнос в целом!) стремится к свершениям и тому чувству исполненности и самоуважения, которое приносят крупные достижения. Он уходит от прямой конкуренции с соперниками и дает себе волю в сфере фантастической — здесь его «цели» и «действия» раздуваются до «вселенских» пропорций, насколько гигантских, настолько же и комичных с точки зрения других этносов. Это модель поведения шута, который путает свой шутовской и реальный миры. Второй причиной, ведущей к подобному бегству из реальности, нужно назвать воспринимаемую невозможность изменить положение дел. Неважно, насколько это так на са-

мом деле — человек убежден, что ничего никакими усилиями изменить в положении своего народа нельзя. Автор смирился с таким положением дел, более того, оно в его искаженном понимании **справедливо**. Это может показаться невероятным, но у русских, как и вообще у многих длительно угнетаемых групп, возникает сознание справедливости угнетения. «Мы большего не заслуживаем», — думают люди и учат этому своих детей из поколения в поколение.

Справедливости ради следует добавить, что такого рода эквилибристика с этнической идентичностью и подмена ее религиозной не исчерпывает всех направлений современного православия. Если рассматривать не официальные церковные источники, то найдется весь спектр от либеральных до правых националистических взглядов, связываемых с православием. Это внушиает надежды, т.к. между православием и русской (или любой другой) национальной идентичностью нет противоречия. Достаточно лишь расставить их по своим местам, чтобы каждая из них заработала на благо народа и не вред ей.

Национализм без национальности

Среди тактик борьбы с национальной идентичностью следует, пожалуй, особо выделить подмену понятия «национальный». Этот прием отличается от подмены национальной идентичности на другие виды идентичности. К нему прибегают, когда колонизаторам не удается остановить национальный подъем. Как это выглядит на практике? Поскольку именно этот прием сейчас начали применять в России, опишу именно этот частный случай.

Материалом для построений, как правило, служат изыскания в области национализма Эрика Хобсбома, Эрнста Геллнера и Энтони Смита. Эти авторы занимались тем, что создавали такие модели национализма и соответствующей ему национальной идентич-

ности, которые можно было бы вписать в парадигму мультикультурализма. Для этого понадобилась стерилизация национализма, по той очевидной причине, что национализм совместить с мультикультурализмом не представляется возможным уже хотя бы потому, что национализм подразумевает развитие национальных начал, а мультикультурализм приведение их к наименьшему общему знаменателю, т.е. к разрушению. Либо строить, либо разрушать — тут уж что-то одно. Так вот, Хобсбом, Геллнер и отчасти Смит толковали национализм так, чтобы он стал годен к употреблению в современном западном обществе: по их работам можно читать курсы студентам, писать рефераты, ссылаться на них в публицистике — все это безо всяко-го риска затронуть суть явления, при довольно пространном описании его исторических форм. Интеллектуальный продукт этих авторов, препарированный и обескровленный, предназначен для профанного употребления: от него вреда никакого, как, впрочем, и пользы.

Пользуясь трудами этих авторов, политики раскалывают понятие нации и национализма и утверждают, что есть якобы «этнический национализм» и кроме него какой-то другой, например, основанный на гражданстве. Далее «этнический национализм» отправляется на задний план как отсталая форма, а гражданский легким движением руки превращается в «единственно верный». Таким образом создается более или менее правдоподобный макет национальной идентичности, в котором остается название, но изъято все существенное содержание.

Начать с того, что «этнический национализм» — это тавтология. Никакого другого, кроме этнического, и быть не может, т.к. речь идет в конечном счете о биологических явлениях, связанных с этносом как популяцией. Кроме того, говорить о том, что

может существовать еще и «гражданский национализм», значит отбрасывать всю историю человека разумного и утверждать, что явления масштаба национальной идентичности могут возникать произвольно за одно мгновение (в масштабах биологического и даже исторического времени). Гражданский национализм никак не учитывает генетическое родство людей, живущих на одной территории. Между тем не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы заметить разницу между корейцем, живущим на Дальнем Востоке, и русским. Она очевидна, поскольку это люди разных рас, но одного гражданства. Отказаться от этих очевидных различий, сделать вид, что их не существует, во имя какой-то другой общности и предлагает «гражданский национализм», т.е. «национализм» которой никто никогда на деле не наблюдал.

Эти шаткие конструкции часто пытаются поддержать оптическими иллюзиями из истории, самая распространенная из которых — участие разных народов СССР в войне с немцами. Во-первых, факты зачастую говорят об обратном: на каждого национального, воевавшего на стороне русских, найдется другой, перешедший на сторону немцев. Во-вторых, даже то, что часть из народов воевала совместно с русскими, ничего не говорит об их готовности идентифицировать себя с русскими в рамках одной государственности. Чего стоит эта идентификация — стало, в частности, ясно с распадом СССР. Так, стало быть, никакой общей идентичности и не было: была выгода от участия в распределении ресурсов в свою пользу, а как только ее не стало — не стало и «идентичности». Так вот, «гражданский национализм» — это та же конструкция, только по-другому названная. Вот и весь «гражданский национализм» — шарик лопнул после СССР, лопнет и в РФ, если надувать именно воздушные шарики. Американские негры демонстрируют ровно то же самое по отношению

к белым американцам, ирландцы — по отношению к англичанам, баски — к испанцам, курды — к иракцам, абхазцы — к грузинам и так далее — везде ясно, что этническая идентификация на порядки сильнее гражданской.

В то же время в пределах одного этноса можно наблюдать, что национальное самосознание возникает, когда люди начинает ощущать себя единственным народом и гаснет, как только единство расщепляется. Америка наглядный тому пример: поглощать огромные потоки иммигрантов эта страна могла только до тех пор, пока они шли в основном из Европы и пока актуализировалась концепция «одной нации под Богом», каковой считали себя американцы до второй половины XX в. Важно подчеркнуть, что поток европейских иммигрантов, по некоторым данным — на 60% немцев, представлял собой популяции, которые смешивались длительное время в Европе, и поэтому их ассимиляция в рамках единой американской нации не составляла большого труда. Более того, те из иммигрантов, которые более всего отличались генетически от ангlosаксов, т.е. от основы американцев как нации, а именно ирландцы и итальянцы, всегда составляли самые тесные и изолированные общинны.

Когда же Америка открыла шлюзы для неевропейцев и в нее хлынули азиаты и латиноамериканцы, а прежняя концепция нации была пересмотрена и насконо заменена на «плавильный котел», американское общество моментально проявило первые признаки болезни в виде распада семьи и эрозии

базовых протестантских ценностей, стремительно перерождающихся сейчас в свои прямые противоположности. По-другому и быть не могло: любая империя создается одним и только одним народом, а то, что она включает в себя и другие, говорит не о синтетической природе империй, а об избытке сил, в т.ч. и емкости идентичности ее основного народа, способного, благодаря этому избытку, контролировать дополнительную территорию и ресурсы.

Возвращаясь к русской национальной идентичности, приходится признать, что на нее длительное время оказывается давление, направленное на разрушение и подмену, и что это давление в значительной степени достигло своей цели: русская идентичность была разрушена. При всей серьезности означенных проблем, однако, нет никаких причин считать, что русские обречены на роль вечных неудачников. Параллели с другими колонизированными народами ясно указывают, что деформация идентичности под действием колонизаторов — это, кроме прочего, взведенная пружина, которая может в любой момент разогнуться. Первым и необходимым шагом к этому всегда становится критическая масса людей, совершивших революцию во взглядах, т.е. отказавшихся от унизительного взгляда на себя и свой народ и отвоевавших себе, таким образом, право на позитивную национальную идентичность. Таких людей среди русских с каждым годом больше и больше.